

«ПЕРЕЖИТОЕ ВОСПРИЯТИЕ» КАК СИМПТОМ

ИЗ СОБСТВЕННЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ ПРОИСХОДЯЩЕГО
В УКРАИНЕ И В РОССИИ В 2014/15

Петер Люти

Перевод Елены Колюховой

Из моих восприятий с места известных событий как элементы «пережитого созерцания» напрашиваются два образа. В Украине, как и в России, в последнее время историческое событие было преобразовано в миф и оформлено в действенное для общества празднество. В сопоставлении этих двух образов можно увидеть симптом, указывающий на нечто более глубокое.

В Украине я пережил киевский Майдан в начале января 2014-го в его мифотворческом состоянии: огороженное баррикадами, но без оружия, собственное царство миролюбивого разнообразия; не где-нибудь на окраине, но в самом репрезентативном месте города – в его центре, обычно охваченном грубой коммерцией со всеми западными фирменными товарами и маркетингом, много недель подряд; и на приличном расстоянии окруженное спецподразделениями хорошо оснащенной милиции. Не по известному нам на Западе образцу протестного лагеря бунтующей молодежи или бессильной оппозиции: это своего рода отражение «народа» со всеми его возрастными и социальными слоями, без вождей, без фашистских боевиков, без алкоголя, без декадентских шоу, почти без ксенофобских лозунгов. Политики могли выступать – как гости, не ожидая, что кто-то за ними последует, точно так же,

как и любой человек, желающий сделать свой вклад в «дух Майдана», мог выступить на трибуне. Горячий суп, чистота, медпомощь, различные предложения из сферы культуры и образования – все это исключительно благодаря незаметной, неиерархической самоорганизации.

Мне возражат, что это все миф и я позволил ослепить себя видимостью, не заметив «американского финансирования». Нет! Я знаю, как быстро это состояние было поглощено деструктивными силами извне и как быстро проявились все слабости изнутри, когда в конфронтации с полицией, с американскими и русскими интригами вырвался наружу спящий потенциал насилия и национализма и в конечном итоге миф разбился о реальную политику сильных мира сего еще больше, чем о российскую интервенцию.

Но в этом и заключается природа мифа: не в том, точно ли он отражает реальность, но в том, что он из реальных, чувственно видимых исторических событий, смотря поверх всех несовершенств и примесей, образно вылуццивает зерно будущего, то, чего еще нет.

С трагической необходимостью миф все снова и снова разбивается о банальную реальность настоящего, но также и о тот факт, что миф смешивается с реальностью его приверженцами, в том числе и в Швейцарии. Здесь, так же как и в России или Украине попытка критических историков разделить миф и реальность воспринимается как предательство.

С действующим в России при вовлеченности всей государственной и церковной власти обновленным центральным мифом о вedomом Путиным сообществе я познакомился весной 2015 года: победа Красной Армии и советского народа 70 лет назад в Великой Отечественной войне, которая по-прежнему не называется Мировой войной, и мы, русские – наследники этой победы и не позволим испоганить ее новыми разоблаче-

ниями независимыми от государства историками. В Иркутске я наблюдал школьную молодежь, которая усиленно тренировалась чеканить шаг и стоять навытяжку перед Вечным огнем; видел огромные плакаты, телепередачи, направляющие все внимание на давно прошедшее величие. В сакральном культурном праздновании военного парада на Красной площади точкой кульминации была демонстрация новых ядерных ракет, позволяющих все же надеяться на новое величие. (Дух этого величия раскрывается лишь когда просмотришь весь телерепортаж об этом, просто знать об этом недостаточно.) Одновременно я наблюдал, как мать тяжелораненого солдата, находящегося в отделении интенсивной терапии, должна была ежедневно снабжать его питьевой водой и восстанавливающим питанием, так как государственный госпиталь не мог брать на себя такие расходы, ведь государству, по благословению патриархов, приходится создавать новые танки, новые ядерные ракеты, возвращать Крым и защищать российские ценности.

Нет, неся в себе эти пережитые картинки, я не за Украину и не против России. Они не позволяют мне формировать какие-либо оценки, а тем более обвинения. Но я их видел и воспринимал их атмосферу.

Что они мне открыли – это, как мне кажется, следующее:

1.

Будущее духовное значение России, в котором я не сомневаюсь, никоим образом не воплощается во властной структуре московского государства, Московском патриархате и конгломерате энергетических концернов. Странными кажутся симпатии к этой системе, не стремящейся к решению ни одной из новых вставших перед человечеством задач. Ни малейшего намека на развитие новой правовой, экономической и культурной жизни – ни на практике, ни даже в мире идей, никакого стремления к свободной духовной жизни, к уважению

прав и достоинства индивидуума! Ни к одному столь яростно критикуемому недостатку ЕС – бюрократия, тенденции освещения событий в СМИ, государственный контроль – путинская политика не сформировала противовеса. Ностальгия по царю и Советскому Союзу, реставрация единства государства и церкви, а также наращивание военной мощи вместо внутренних реформ – это акт отчаяния внутренней пустоты, поступившейся культу прошлого. В воинственном празднике Победы я не нахожу нежного ростка будущего. Следуя своей логике, он призван реабилитировать Сталина («да, конечно, он совершал преступления, НО он был вождем победы против зла»). Если уповать на будущее из России, нужно искать более тонко – не у Путина и его пропагандистской кампании, но у безвластных индивидуальностей. Понятно желание считать, что тот, кто противоречит лжецу, конечно же говорит правду, но ясное мышление в этом не участвует.

2.

В Украине на какое-то мгновение в центре социального пространства засияло будущее. Легкое дуновение едва коснулось земли – и все же, там нечто было видимым.... Прежде чем силы прошлого – этнический национальный миф, милитаризация и традиционная коррупция – вернули обратно мрачное настоящее. То истинное, что было пережито внутренне, не утратится из-за наступившего вслед за этим ужасного протрезвления, если только оно не предаст себя само и, подобно российской ностальгии, не предастся тоске по прошлому (например, если чествование прежних борцов за национальную независимость, включая Бандеру, будет закреплено законодательно) и не удовлетворится нормальностью достигнутого.

3.

В разгар Майдана именно на восточном рубеже Европы возник миф «Европа», которая в своей реальности вовсе не мифологична и теперь понятия не имела что ей делать с

этим оживленным воодушевлением Европой на востоке. Европа реалистически преодолела прошлое, успешно вошла в настоящее и глуха по отношению к будущему. Как следствие – она функционирует (пока), хотя и без перспективы. Все тревожные сигналы, вся исходящая из антропософии аргументированная критика в бездуховности римского правового формализма, опекунской социальной политики государства или свободного финансового капитала ничего не меняют: эта безыдейная нормальность находится в союзе с силами эпохи. Те, кто не испытал на себе жизни в путинской России или в Украине времен Януковича, легко могут со своей высокой духовной башни презирать эту тоску по реализованной в ЕС и Швейцарии «европейской» нормальности права, свободы мнений и социальных гарантий. Она, тем не менее, является одной из сильных формирующих мир сил современности.

Таким образом, украинский конфликт по-новому заставил меня осознать драматическое взаимодействие прошлого, настоящего и будущего. В пространстве, где «Европа» и «Россия» накладываются друг на друга, называемом Украина, т.е. окраина, пограничная страна, находится нежный потенциал чего-то нового, когда Украина не принадлежит ни Европе, ни России, соответственно интригански не расщепляется ими. Сильные внешние противники и псевдо-друзья не обещают ничего хорошего, так же как и внутренние неясности импульса. Предпосылками для проявления этого потенциала является понимание права с отказом от идеи империи (которое усиленно атакуется Путиным), и атмосфера солидарности (атакуемая США).

Как можно отстоять свой росток будущего против обеих мировых сил, напрашивающихся в друзья и боящихся будущего?